

Два аргумента против инструментального понимания природы науки и техники

Какова роль науки и техники в современном мире? Первый ответ может быть дан относительно роли науки и техники для человека вообще и современного человека особенно. На первый взгляд, такая акцентировка выглядит непонятной. Ну, неужели автор действительно настолько ослеп, чтобы еще спрашивать: какая роль? Откройте глаза: весь мир современного человека – от выращивания герани на подоконнике до новейших технологий в космонавтике, коммуникации и во многом, многом другом – соткан из ролевых нитей науки и техники! Однако сейчас я хочу рассмотреть не *собственную величину* этой роли – об этом мы поговорим в другой раз и другое время, – а ее *качественность*. Согласно весьма распространенному мнению, наука и техника могут быть уподоблены *инструменту*, который «используется» человеком в соответствии с его целями и потребностями. Наука и техника, при таком понимании их сущности, уподобляются «палке», которой можно и созидать и разрушать. Сама же наука (и стоящая за ней техника), как и всякий «бездушный инструмент», – никакая! Она – просто наука (техника). Какие выводы делаются сторонниками этой позиции? Они следующие: все негативные следствия (а возможно, и самоуничтожение человека) эволюции новейшей европейской технотронной цивилизации следует отнести к нравственной деградации человека, который использовал и употребил «никакую науку (технику)» со злыми умыслами: властвовать над природой, наслаждаться материальными благами и т.д. Надо сказать, что такая позиция содержит в себе много сильных сторон. Во-первых, она дает ясную и четкую картину объяснения: у истоков экологической и других трагедий человека стоит сам человек, а не

«инструмент». Во-вторых, она переносит все вопросы – и прежде всего вопрос *онтологический* – в этическую плоскость: *все зависит от нравственного выбора человека*. В качестве замечательной иллюстрации такого объяснения я мог бы сослаться на статью А.А.Гриба¹, в которой он показывает, что именно нравственный выбор – нежелание вторгаться в божественный мир искривленного пространства – остановила К.Гаусса перед созданием неевклидовой геометрии, задолго до Больяи, Лобачевского и Римана. И, наоборот, А.Эйнштейн в конце жизни признался в одном из писем, что атомная бомба впервые взорвалась в *его уравнениях*, а не на полигоне в Неваде.

Такой подход в объяснении сущности науки и техники (назовем его «инструментально-этическим»), однако, сам может столкнуться с рядом затруднений.

Аргумент: «Почему “хорошее” хуже “плохого”?»

Я думаю, что «инструментальное» понимание роли науки и техники, хотя и имеет право на существование, является не только упрощенным, но и неудовлетворительным. Достаточно сослаться на его противоречивость.

Ведь утверждая, что нравственность определяет использование человеком «инструмента», мы не можем игнорировать очевидных фактов:

1) Нравственному выбору предшествует нравственное воспитание и образование, которые закладывают сами основы нравственности.

2) Появлению Новоевропейской науки и техники предшествовало почти тысячелетнее (с 6 в. н.э. по 16 в. н.э.) христианское (библейское) воспитание и образование, определявшее эти два процесса во всей Европе *тотально*.

Однако истории известны как минимум два типа науки (и соответствующих им типа техники): античная и новоевропейская. Но так же

---

¹ Grib A.A. Gauss, Dostoevsky, Einstein and adventures of Noneuclidean Geometry // Ralatorio de Pesquisa. Brasil, 1996. Novembto.

точно известно, что только эволюция новоевропейской цивилизации, опирающейся в своем воспроизводстве всецело на новоевропейскую науку и технику, привела к отрицательным экологическим последствиям.

В то же время, мы отлично знаем, что классическая *античность* – будучи свободной от библейских ценностей – была «экологически чистой», а *ноевропейский гуманизм*, выросший на библейских ценностях – «экологически грязным»².

Позволю сформулировать вопрос: *следует ли отсюда, что античный человек, не знавший христианских (шире – библейских) заповедей вообще, был нравственно выше нововременного человека (выросшего на библейских ценностях), ибо более нравственно относился к «инструменту»? А новоевропейский человек использовал этот «инструмент» с «дурными намерениями»? Также хорошо известно, что исторически появлению новоевропейского человека – он появляется между 16 и 18 столетиями – предшествовало, по меньшей мере, десять веков христианского просвещения и воспитания, тогда как появлению античного человека и античной цивилизации не предшествовало христианского (библейского) просвещения и воспитания вовсе!*

Я прекрасно понимаю, что вопрос этот чрезвычайно сложный и что ответ на него, возможно, находится вне человеческих возможностей. Я только хочу сказать, что указание на такого рода нелепости имеет под собой одну и единственную цель – напомнить сторонникам «простых» ответов, что все далеко не так просто!

Аргумент: «Бог и спички»

Библейская точка зрения об этической нейтральности науки (техники) – понятой как инструмент – сталкивается еще с одной трудностью, которую я

---

² См. подробнее: Павленко А.Н., Экологический кризис как псевдопроблема//Вопросы философии, М. 2002, № 7.

хочу зафиксировать и выразить в аргументе «Бог и спички». Итак, современные библейские богословы говорят, что наука (техника) по своей природе – не плохая и не хорошая. Она просто, как и всякий инструмент, нейтральна в отношении владеющего и пользующегося ею человека. Допустим.

Тогда мы вправе допустить, что этически нейтральна не только наука (техника) как инструмент, но и вообще всякий инструмент, в отношении которого наука (техника) является частным случаем. Это легко понять. Например, если свойством «вскармливать младенцев молоком» обладает весть отряд млекопитающих, то по определению, им обладает и любой вид, входящий в этот отряд, то есть и морские млекопитающие и обитающие на суше. Раз так, то такой же «инструментальной» нейтральностью должны обладать, например, и «спички».

Теперь вспомним, как часто нам приходится – в рамках библейской традиции – слышать о том, что *все люди – дети Божию*. Если такое отношение между библейским Богом и людьми (верящими в него) действительно имеет место, то мы вынуждены констатировать совершенно неожиданный вывод. Поясним. Мы можем провести аналогию: библейский Бог также «окормляет» своих детей (всех своих последователей, в переносном – всех людей), то есть заботиться о них, как, например, заботиться любой вменяемый человеческий родитель о своих собственных детях. Человеческий родитель несет, прежде всего, *нравственную ответственность* за своих детей. Теперь, предположим, что человеческий родитель «уходит из дома» оставляя своих детей в доме одних. Что он делает, прежде всего?

Прежде всего, всякий ответственный родитель убирает их сферы доступности для детей – те «нейтральные инструменты», например, *спички*, которые могут привести к гибели детей и дома! Ведь ребенок неразумен в отношении полноты разума взрослого родителя. Если так делает любой нравственный родитель в отношении собственных детей, то *не подобает ли*

то же самое делать и библейскому Богу в отношении всего человечества (всех людей)? Да, подобает. Но почему же он этого не сделал?

Почему библейский Бог не убрал из сферы достижимости человека те инструменты, которые могут привести к гибели его самого и гибели всего живого дома («ядерная зима»)?

Усложним вопрос. Могут сказать так, что Бог оставляет человеку нравственный выбор между «добром» и «злом». Другими словами, *Бог оставляет человеку свободу из любви к самому человеку*. Но почему же такой свободы не оставляет своим детям вменяемый ответственный родитель? Разве он ЛЮБИТ их меньше, чем Бог – человека?

Он не оставляет потому, что *н е р а з у м н ы е д е т и м о г у т* воспользоваться этой свободой так, что это приведет к гибели и детей и дома. Когда мы говорим «могут воспользоваться», то это значит, что нравственно ответственный родитель ликвидирует не только ПРЯМЫЕ УГРОЗЫ (что лежит на поверхности нашего понимания – «спички» видимые ребёнком буквально), но и САМУ ВОЗМОЖНОСТЬ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТАКИХ УГРОЗ (*родитель пресекает саму возможность «спичек» быть достигаемыми для ребенка*). Почему же этого ответственного нравственного шага – по аналогии с заботливым родителем – не сделал библейский Бог, зная неразумную (младенческую) природу человека? *Апелляция к нравственному выбору человека, с моей точки зрения, абсолютно несостоятельна – человек по самой своей ограниченной природе не знает и не может знать всех последствий отрываемых перед ним возможностей в силу самых разных причин (на каждом конкретном шаге мир не познан до конца, человек не в состоянии детерминистически точно просчитать будущее и т.д. и т.п.). В этом смысле, человек полностью уподобляется неразумному ребенку, которому нельзя предлагать выбор: хочешь, воспользуйся «спичками», не хочешь – не пользуйся «ими»!*

Если допустить, что библейский Бог *осознанно открыл* перед человеком *такие возможности*, то значит, Он безучастен к его страданиям (Ведь, в

противном случае получается, что страдания человека доставляют Ему наслаждение?). Значит, в пределе, Он – «безответственный родитель».

Если допустить, что библейский Бог *неосознанно открыл* перед человеком такие возможности, то значит, Он «не ведает, что творит». Следовательно, Он все равно оказывается «безответственным родителем».

Как видим, точка зрения о «нейтральности инструмента в руках нравственного или безнравственного человека» (в нашем случае «науки и техники») в религиозном контексте обсуждения этой темы не столь привлекательна, как это может показаться на первый взгляд.

В первом приближении, более адекватным мне представляется понимание сущности науки и техники как «пути», по которому движется нововременной человек по сей день. Это – онтологический подход. Наука (техника) здесь предстает не упрощенно как инструмент, но, скорее, как «метод», как «путь к» чему-то. Наука (техника) здесь выступает как само данное нам бытие, открывающееся (приводимое к присутствию) новоевропейским человеком именно *так*, а не иначе. Но как совместить «подание такого бытия» с «нравственным выбором»? Не бесчеловечно ли и не безнравственно ли такое понимание сущности науки(техники)? Не оставляет ли такое понимание роли науки (техники) человека без его свободного нравственного выбора? – Нет, не оставляет! Современники вспоминают часто, какими замечательными душевными (моральными) качествами – добросердечность, «любовь» к близким³ и окружающим (в особенности – к домашним животным), отзывчивость, сострадание, бытовое мужество – обладали в личном общении создатели ядерного оружия, предназначенного не только для убийства *десятков и сотен миллионов людей*, но как показали исследования по «ядерной зиме», для *двух- и более кратного уничтожения всего живого на планете*.

---

³ Люди, которые готовили смерть (чудовищный «инструмент убийства») не только для остальных людей, но для всего живого на планете, конечно же, не могли «любить близких» в буквальном смысле этого слова. Ведь они же понимали, что в случае его применения их «любимые близкие» неминуемо погибнут вместе со всеми остальными.

Спрашивается, был ли это их «нравственный» осознанный выбор или – сама их нравственность встраивалась в определенный путь (каждый из них, ведь, находил нравственное обоснование своей деятельности), который, во-первых, *необратим* (т.е. нельзя, как на улице, остановиться), ибо современное человечество без *этой науки (техники)* тут же погибнет, – как, впрочем, может погибнуть и вместе с ними.

С моей точки зрения, обнадеживающим моментом служит только один факт – мы пока еще живы. Это и есть в известном смысле чудо! И если библейский Бог создал мир только «ради человека», то мы имеем почти все следствия такого «ради»: ведь и вся природа тогда должна существовать «ради человека» и, стало быть, экологический кризис – это вовсе и не кризис, а закономерное следствие этого «ради».

Вполне возможно, что взаимоотношения человека и мира могут быть объяснены, а главное – реализованы, в какой-нибудь другой, небиблейской традиции. Например, «небиблейская античность» *не знала экологического кризиса и не ставила всё человечество на грань исчезновения*. Сама «логика» разворачивания событий объективно подталкивает нас к расширению нашего объяснительного горизонта!